

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ.

СОСЕНЪ ПЕРЕЗВОНЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ПЯТАЯ ТЫСЯЧА.

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.
МСМХІІІ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ К. Ф. НЕКРАСОВА, ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прекрасны гигантскіе готическіе соборы, строившіеся цѣлый рядъ столѣтій, по одному глубоко обдуманному плану. Мощныя колонны возставали тамъ, гдѣ имъ указалъ быть замыселъ художника, тяжелые камни, громоздясь одинъ на другой, образовывали легкіе своды, и цѣлое понынѣ поражаетъ насъ своей законченностью, стройностью, соразмѣрностью всѣхъ своихъ частей. Но прекрасенъ и дикій лѣсъ, разросшійся какъ попало, по полянамъ, по склонамъ, по оврагамъ. Ничего въ немъ не предусмотрено, не предрѣшено заранѣе, на каждомъ шагу ждетъ неожиданность,—то причудливый пенъ, то давно повалившійся, обросшій мохомъ стволъ, то случайная луговина,—но въ немъ есть сила и прелесть свободной жизни. Порой кажется, что было бы красивѣе такія-то деревья вырубить, тамъ-то проложить дорожку, такой-то бугоръ срыть; но начните это дѣлать, и вмѣсто лѣса будетъ англійскій паркъ, и все очарованіе исчезнетъ.

Поэзія Н. Клюева похожа на этотъ дикій, сво-

*АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ
НЕЧАЯННОЙ РАДОСТИ.*

СОСЕНЪ ПЕРЕЗВОНЪ.

Наша радость, счастье наше
Не крикливы, не шумны,
Но блаженнѣе и краше,
Чѣмъ младенческіе сны.

Въ сѣрыхъ избахъ, въ казематахъ,
Въ гробовой измѣны часть,
Смерти ужасомъ объятыхъ
Не отыщется межъ насъ.

Мы блаженны, неизмѣнны,
Вѣря любимъ и молчимъ,
Тайну Бога и вселенной
Въ глубинѣ своей хранимъ.

Тишиной безвѣстия живы,
Во хмелю и подъ крестомъ,
Мы—жнецы вселенской нивы
Вечеровъ уборки ждемъ.

И, хоть смерть косою тлетворной
Намъ грозитъ изъ лѣтъ сѣдыхъ:
Онъ придетъ нерукотворный,
Вѣкъ колосевъ золотыхъ.

Въ златотканные дни Сентября—
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладонъ куря,
Надъ твоей опустѣлой избушкой.

Вѣтеръ-сторожъ слѣды старины
Заметаеъ листвою шелестящей.
Изъ-за полога выглянь сосны,
Промелькни за березовой чащей.

Я узнаю косынки кайму,
Грудь и профиль задумчиво кроткій.
Сосны шепчутъ про мракъ и тюрьму,
Про мерцаніе звѣздъ за рѣшеткой,

Про бубенчикъ, въ изгнанья пути,
Про бѣгуція родины дали.
Миръ вамъ, сосны, вы думы мои,
Какъ родимая мать, разгадали.

Въ поминальные дни Сентября.
Вы сыновнюю тайну узвайте,
И о той, что погибла любя,
Небесамъ и землѣ передайте.

Есть то, чего не видѣлъ глазъ,
 Не уловляло вѣчно ухо:
 Цвѣты лучистѣй, чѣмъ алмазь,
 И дали призрачнѣ пуха.

Недостижимо смерти дно,
 И рѣки жизни быстротечны,—
 Но есть волшебное вино
 Продлить чарующее вѣчно.

Его испивъ, не меркнувъ я,
 Въ полетѣ времени безлѣтенъ,
 Какъ моря валъ изъ бытія—
 Умчусь пѣвучъ и многоцвѣтенъ.

И всѣмъ, кого томить тоска,
 Любовь и бранные обѣты,
 Зажгу съ высотъ материка
 Путеводительные свѣты.

Я говорилъ тебѣ о Богѣ,
Картины неба рисовалъ
И объ украшенномъ чертогѣ
Съ тобою вмѣстѣ тосковалъ.

Я тосковалъ о райскихъ кринахъ,
О берегахъ иной земли,
Гдѣ въ свѣтло дремлющихъ заливахъ
Блуждаютъ сонно корабли.

Плывутъ преставленныя души
Въ незатемненный далью путь,
Къ Материку желанной суши
Отъ бурныхъ странствій отдохнуть.

Съ тобой впервые разгадали
Мы очертанья кораблей,
Въ туманѣ сумеречной дали,
За гранью слившихся морей.

И стали чутки къ откровенью
Незримо вѣющихъ сиренъ,
Всегда готовы къ выступленью
Изъ Лабиринта бранныхъ стѣнъ.

Но иногда мы чуемъ оба
Ошибки чувства и ума:
О, неужель за дверью гроба
Насъ ждуть неволя и тюрьма?

Все также будетъ вихрь попутный
Крутитъ метельные снѣга,
Синѣть чертою недоступной
Вдали родные берега?

Свирѣлью плачущей сирены
Томить пугливья сердца,
И океанъ лохмотья пѣны
Швырять на камни безъ конца?

На пѣсню, на сказку разсудокъ молчить,
Но сердцу такъ странно правдиво,—
И плачетъ оно, непонятно груститъ,
О чемъ?—знають вѣтеръ да ивы.

О томъ ли, что юность безслѣдно прошла,
Что поле заплаканно-нище?
Вонъ сѣрья избы родного села,
Луга, перелѣски, кладбище.

Вглядись въ эту дымно-лиловую даль,
Въ болотъ и овраговъ пологость,
И сердцу-дитяти утѣшной едва ль
Почуется правды суровость.

Потянетъ къ загадкѣ, къ туманной мечтѣ,
Вздохнуть, улыбнуться украдкой—
Задумчиво-нѣжной небесъ высотѣ
И ивамъ, лепечущимъ сладко.

Примнится чертогомъ—покровъ шалаша,
Колдуньей лѣсной--незабудка,
И горько въ себѣ посмѣется душа
Надъ правдой слѣплого разсудка.

ОЖИДАНИЕ.

Кто-то стучится въ окно:
 Буря ли, сучья ль ракитъ?
 Въ звукахъ текущихъ ровно—
 Топотъ поспѣшный копытъ.

Хижина наша мала,
 Некуда гостю пройти;
 Ночи зловѣщая мгла
 Звѣремъ лежитъ на пути.

Кто онъ? Сѣдой пилигримъ?
 Смерти ль костлявая тѣнь?
 Или съ мечемъ Серафимъ,
 Въ ризахъ огнистыхъ, какъ день?

Никнуть ракиты, шурша,
 Топотъ какъ буря растетъ...
 Встань, пробудися, душа—
 Свѣтлый ѣздокъ у воротъ.

Спятъ косогоръ и рѣка,
Платомъ закрыты туманнымъ.
Вотъ принесло мотылька
Ночи дыханьемъ медвянымъ.

Сердцу полей вѣтерокъ
Смерти дыханіемъ мнится...
Ангеломъ сталъ мотылекъ
Съ райскою вѣтвью въ десницѣ.

Слышу безплотную вѣсть—
Голосъ чарующе властный:
„Былъ ты и будешь, и есть—
Смерти во вѣкъ непрічастный.“

„Я былъ въ духѣ въ день воскресный“

Апок. гл. 1, 10.

Я былъ въ Духѣ въ день воскресный,
Осѣненный высотой,
Просвѣтленно безтѣлесный
И младенчески простой.

Видѣлъ ратей колесницы,
Судный жертвенникъ и крестъ,
Указующей десницы
Путеводно-млечный перстъ.

Источая кровь и пламень,
Шестикрылъ и многоликъ,
Съ начертаньемъ бѣлый камень
Мнѣ вручилъ Архистратигъ.

И сказалъ: „Вѣнчайся бѣлымъ
Твердо-каменнымъ вѣнцомъ,
*Будь убогъ и темень тѣломъ,
Свѣтель духомъ и лицомъ.*

И другому талисману
Не вѣрайся никогда---
Я пасти не перестану
Съ высоты свои стада.

На крылахъ кроваво-дымныхъ
Облечу вселенной храмъ,
И изъ пепла тѣлъ невинныхъ
Жизнь лазурную создамъ.“

Вѣренъ ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошелъ къ земному долу,
Полонъ звуковъ и огня.

Мы любимъ только то, чему названья нѣтъ,
 Что, какъ полунамекъ, загадочностью мучить:
 Отлеты журавлей, въ природѣ рядъ примѣтъ
 Того, что прозрѣвать невѣдомое учить.

Немолчный жизни звонъ, какъ въ лабиринтѣ стѣнъ,
 Въ пустынѣ нашихъ душъ бездомнымъ эхомъ
бродить;
 А время, какъ корабль подъ плескъ попутныхъ вѣвъ,
 Плыветъ и береговъ желанныхъ не находитъ.

И обращаемъ мы глаза свои съ тоской
 Къ Минувшаго Землѣ—не видя странъ грядущихъ...

 Въ старинныхъ зеркалахъ живетъ красавицъ рой,
 Но смерти виденъ ликъ въ ихъ омутахъ зовущихъ.

Любви начало было лѣтомъ,
Конецъ—осеннимъ Сентяремъ.
Ты подошла ко мнѣ съ привѣтомъ
Въ нарядѣ дѣвичьи-простомъ.

Вручила красное яичко,
Какъ символъ крови и любви:
Не торопись на Сѣверъ, птичка,
Весну на Югѣ обожди!

Синѣютъ дымно перелѣски,
Настороженны и нѣмы,
Сквозь паутину занавѣски
Не видно тающей зимы.

Но сердце чуетъ: есть туманы,
Движенье смутное лѣсовъ,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизыхъ вечеровъ.

О, не лети въ туманы пташкой!
Года уйдуть въ съдую мглу—
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти въ углу.

И, можетъ быть, пройду я мимо,
Такой же нищій и худой...
О, дай мнѣ крылья херувима
Летѣть незримо за тобой!

Не обойти тебя привѣтомъ,
И не раскаяться потомъ...
Любви начало было лѣтомъ,
Конецъ—осеннимъ Сентяремъ.

Весна отсіяла... Какъ сладостно больно,
 Душой отрезвися, любовь схоронить.
 Ковыльное поле цремуче раздольно,
 И рдяна заката огнистая нить.

И сѣрья избы съ часовней убогой,
 Понурья ели, бурьяны и льны
 Суровымъ безвѣстьемъ, печалію строгой—
 „На вѣки“, „Прощаю“,—какъ сердце полны.

О, мать-отчизна, какими тропами
 Бездольному сыну укажешь пойти:
 Разбойную ль удаль помѣрять съ врагами,
 Иль робкой былинкой кивать при пути?

Былинка поблекнетъ, и удаль обманетъ,
 Умчится, какъ буря, надежды губя;
 Пусть вѣтромъ нагорнымъ душа моя станетъ
 Пророческой сказкой баюкать тебя.

Баюкать безмолвье и бури лелѣять,
Въ степи непогожей шумѣть ковылемъ,
На села ночныя прохладю вѣять
И въ окна стучаться дозорнымъ дрыломъ.

Я былъ прекрасенъ и крылатъ
Въ надмірномъ ангеловъ жилищѣ,
И райскихъ криновъ ароматъ
Мнѣ былъ усладою и пищей.

Блаженной родины лишенъ,
И человѣкомъ ставшій нынѣ,
Люблю я сосенъ перезвонъ,
Въ лѣсной блуждающій пустынѣ.

Лишь одного недостаетъ
Душѣ въ изгнанія юдоли:
Чтобъ нивъ просторы, лоно водъ
Не оглашались стономъ боли,

Чтобъ не стремилъ на брата братъ
Враждою вспыхнувшіе взгляды,
И ширь полей, какъ вертоградъ,
Цвѣла для мира и отрады,

И чтобъ похитить челоуѣкъ
Вънецъ Создателя не тщился,
За что, отверженный на вѣкъ,
Я рая свѣтлаго лишился. ~

Александрѣ Блоку.

I.

Вѣрить ли пѣснямъ твоимъ—
 Птицамъ звенящимъ разсвѣта,
 Будто туманомъ глухимъ
 Моря лазурь не одѣта?

Вышли изъ хижины мы,
 Смотримъ въ морозныя дали:
 Злая метели зимы
 Взморье снѣгами сковали.

Тщетно тоскующій взглядъ
 Шхеръ испытуетъ граниты,—
 Въ нихъ лишь родимый фрегатъ
 Грудью зияетъ разбитой.

Долго ль обвѣтренный флагъ
 Будетъ трепаться такъ жалко?...
 Есть у насъ зимній очагъ,
 Матери мѣрная прялка.

Въ снѣжности синихъ ночей
Будемъ подъ прялки жужжанье
Слушать пролетъ журавлей,
Моря глухое дыханье.

Радость незримо придетъ,
И надъ вечерними нами
Тонкой рукою зажжетъ
Зорь незакатное пламя.

II.

Я боленъ сладостнымъ недугомъ—
 Багряной осени тоской.
 Нерасторжимымъ полукругомъ
 Сомкнулось небо надо мной.

Она вездѣ, неуловима,
 Трепещетъ, дышетъ и живетъ:
 Въ рыбачьей пѣснѣ, въ свиткахъ дыма,
 Въ жужжаньи ось и блескѣ водъ.

Въ шуршаньи травъ—ея походка,
 Въ нагорномъ эхо-всплески рукъ,
 И сводъ тюрьмы, окна рѣшетка—
 Лишь символъ смерти и разлукъ.

Ея ли косы смоляныя,
 Какъ вѣтеръ смѣхъ, мгновенный взглядъ...
 О, кто Ты: Женщина? Россія?—
 Въ годину черную собрать!

Повѣдай: тайное сомнѣнье
Какою казнию искупить,
Чтобъ на единое мгновенье
Твой ликъ прекрасный уловить?

Въ морозной мглѣ, какъ око сыче,
Луна-дозорщица глядитъ;
Какое свѣтлое величье
Въ природѣ мертвенной сквозить.

Какъ будто въ полѣ, мглой объятъ,
Для правыхъ подвиговъ и силъ,
Подъ сребротканымъ, снѣжнымъ платомъ,
Прекрасный витязь опочилъ.

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властноокая жена?
Для поэтического слуха
Ты полнозвучна и ясна.

Твои черты январь-волшебникъ
Туманитъ вьюгой снѣговой,
И схимникъ-боръ читаетъ требникъ,
Какъ надъ умершею тобой.

Но ты во вѣкъ неуязвима,
Для смерти яростныхъ зубовъ,
Какъ мать, какъ женщина, любима
Семьей отверженныхъ сыновъ.

На ихъ любовь въ плѣну угрюмомъ,
На воли пламенный недугъ,
Ты отвѣчаешь бора шумомъ,
Мерцаньемъ звѣздъ да свистомъ вьюгъ.

О, изреки: какія боли,
Ярмо какое изнести,
Чтобъ въ тайники твоихъ раздолій
Открылись торные пути?

Чтобъ, неизбывная доселѣ,
Родная сгнула тоска,
И легкозвоннѣ метели,
Слетала пѣсня съ языка?

ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вы—отгулъ глухой, гремучей,
Обезсилѣвшей волны,
Мы—предъутреннія тучи,
Зори росныя весны.

Ваши помыслы—ненастье,
Дрожь и тѣни вечеровъ,
Наши—мѣрное согласье
Тяжкихъ времени шаговъ.

Прозрѣвается лишь въ книгѣ
Вами мудрости конецъ,—
Въ каждомъ обликѣ и мигѣ
Нашъ взыскующій Отецъ.

Ласка дѣвичья природы
Васъ забвеньемъ не дарить,—
Чародѣйны наши воды
И огонь многоочитъ.

За слянье нѣтъ поруки:
Переваль скалистъ и крутъ,
Но бесплодно ваши студи
Въ лабиринтѣ не замрутъ.

Мы, какъ рѣкъ подземныхъ струи,
Къ вамъ незримо притечемъ,
И въ безбрежномъ поцѣлуѣ
Души братскія сольемъ.

ПАХАРЬ.

Вы на себя плетете петли
И наостряете мечи.
Ищу вотще: межъ вами нѣтъ ли
Разсвѣта алчущихъ въ ночи.

На мнѣ убогая сермяга,
Худая обувь на ногахъ,
Но сколько радости и блага
Сквозить въ поруганныхъ чертахъ.

Въ мой хлѣбъ мѣшаете вы пепелъ,
Отраву горькую въ вино,
Но я, какъ небо, мудро-свѣтелъ,
И не разгаданъ, какъ оно.

Вы обошли моря и сушу,
Къ созвѣздьямъ взвили корабли,
И лишь меня—мірскую душу,
Какъ жалкій соръ, пренебрегли.

Работникъ Господа свободный
На нивѣ жизни и труда,
Могу ль я васъ, какъ тернъ негодный,
Не вырвать съ корнемъ навсегда?

Есть на свѣтѣ край обширный,
Гдѣ растутъ сосна да ель,
Неизслѣдный и пустынный,—
Русской скорби колыбель.

Въ этомъ краѣ тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Какъ скала на глади моря,
Неподвижна и нѣма.

За оградю вѣскоюй
Изъ гранитныхъ сѣрыхъ плитъ,
Пташкой плѣнной, одинокой
Въ башнѣ дѣвушка сидитъ.

Злой кручиною объята,
Все томится, воли ждетъ,
Отъ разсвѣта до заката,
День за днемъ, за годомъ годъ.

Но крѣпки дверей запоры,
Недоступно страшенъ сводъ,
Эхо дикаго простора
Въ казематъ не донесетъ.

Только вѣтеръ перепѣвный
Шепчетъ ей издалека:
„Не томись, моя царевна,
Радость свѣтлая близка.

За чертой зари туманной,
Въ ослѣпительной бронѣ,
Мчится витязь долгожданный
На вспѣненномъ скакунѣ“.

Холодное, какъ смерть, равниной бездыханной
Болото мертвое раскинулось кругомъ,
Пугая робкій взоръ безбрежностью туманной,
Зловѣщее въ своемъ молчаньи ледяномъ.

Болото курится, какъ дымное кадило,
Безгласное, какъ трупъ, какъ камень мостовой.
Дитя моей любви, не для тебя ль могилу
Готовить здѣсь судьба незримою рукой!

Избушка ветхая на выселкѣ угрюмомъ
Тебя изгнанницу святую пріютить,
И старый боръ печально строгимъ шумомъ
Въ глухую ночь невольно усыпить.

Но чуть разсвѣтъ затеплится надъ боромъ,
Прокрякаетъ чирокъ въ надводномъ тростникѣ,—
Болото мертвое немѣряннымъ просторомъ
Тебѣ напомнить вновь о смерти и тоскѣ.

Ты все келейнѣе и строже,
Непостижимѣе на взглядъ...
О, кто же, милостивый Боже,
Въ твоей печали виноватъ?

И косы пепельныя глаже,
Чѣмъ раньше, стягиваешь ты,
Глухая мать сидитъ за пряжей —
На поминальные холсты.

Она нездѣшнее постигла,
Какъ ты, молитвенно строга...
Блуждаютъ солнечныя иглы
По колесу отъ очага.

Зимы предчувствіемъ объаты
Рыдаютъ сосны на бору;
Опять глухіе казематы
Тебѣ приснятся ввечеру.

Лишь станут сумерки синѣ,
Туманъ окутаетъ рѣку,—
Отець, съ веревкою на шеѣ,
Придетъ и сядетъ къ камельку.

Женихъ съ прострѣленною грудью,
Сестра, погибшая въ бою,—
Всѣ по вечернему безлюдью
Сойдутся въ хижину твою.

А Смерть останется за дверью,
Какъ ночь, загадочно темна.
И до разсвѣта суевѣрью
Ты будешь слѣпо предана.

И не повѣришь яви зрячей,
Когда торжественно въ ночи,
Тебѣ за боль, за подвигъ плача—
Вручатся вѣчности ключи.

„Не бойтесь убивающихъ
тѣло,
Души же не могущихъ
убить!“

Еванг. отъ Мате.
гл. 10, 28.

Какъ вора дерзкаго, меня
У града вратъ не стерегите,
И подъ кувшинами огня
Соглядатаино не храните.

Едва уснувшій небосклонъ
Забрезжетъ тайной неразгадной,
Меня князей синедрионъ
Осудитъ казни безпощадной.

Обезображенная плоть
Поникнетъ долу зрѣлымъ плодомъ.
Но живъ мой духъ, какъ живъ Господь,
Какъ сѣвъ пшеничный передъ восходомъ.

Еще безчувственна земля,
Но проплываютъ тучи мимо.
И, тонкимъ ладонемъ курая,
Проходитъ пажитю Незримый.

Его одежды, чуть шурша,
Неуловимы браннымъ слухомъ,
Какъ одуванчика душа,
Въ лазури тающая пухомъ.

Не говори,---безъ словъ понятна
Твоя предзимняя тоска,
Она, какъ море, необъятна,
Какъ мракъ осенній, глубока.

Не потому ли сердцу мнится
Зимы вѣнчально-бѣлый сонъ,
Что смерть костлявая стучится
У нашей хижины оконъ?

Что лучъ зари ущербно-острый
На елей меркнетъ бахромѣ...
Не проведутъ ли наши сестры,
Какъ зиму—молодость въ тюрьмѣ?

Отъ ихъ дѣвическаго круга,
Весну пророчащихъ судьбинъ,
Тебѣ осталася лачуга,
А мнѣ—умолкшій карабинъ.

Но, о быломъ не сожалѣя,
Мы предвесенни, какъ снѣга...
О чемъ же, сумеречно тлѣя,
Вздыхаетъ пламя очага?

Или пока снѣговъ откосы
Зарозовѣютъ вешнимъ днемъ —
Твои отливчатая косы
Зимы затмятся серебромъ?

Я надѣну черную рубаху,
Опяшусь кожанымъ ремнемъ,
По камнямъ двора пройду на плаху
Съ молчаливо ласковымъ лицомъ.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синій вечеръ, дрему свѣтлыхъ стѣнъ,
За окномъ ночующую галку,
На окнѣ любимый бальзамень,

Луговинъ поемные просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаковъ жемчужные узоры
И дѣвичью пѣсенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышкомъ сошлась,—
Не во-время косынька
На двѣ расплелась.

Развилась по спинушкѣ,
 Какъ льняная плеть,—
 Не тебѣ-дѣтинушкѣ
 Дѣвушкой владѣть.

Дерева вилаваго
 Съ маху не срубить,—
 Парня разудалаго
 Силой не любить.

Бѣлая березынька
 Клонится къ дождю...
 Не кукуй, загозынька,
 Про судьбу мою...

Но прервутъ куранты крѣпостныя
 Пѣсню-думу боемъ роковымъ...
 Бредъ души! То заводи рѣчныя
 Съ тростникомъ поютъ береговымъ.

Сердца сонъ неистово-нелѣпный!
 По оврагамъ бродитъ ночи тѣнь,
 И слезятся жалостно и слѣпо
 Огоньки прибрежныхъ деревень.

Сегодня небо, какъ невѣста,
Слѣпитъ вѣнчалъной бѣлизной,
И отъ воротъ — до казни мѣста
Протянуть свитокъ золотой.

На всемъ пути онъ чистъ и гладокъ,
Печатью скрѣпленный слегка,
Для человѣческихъ нападокъ
Въ немъ не нашлося уголка.

Такъ отчего глядятъ тревожно
Твои глаза на неба гладь?
Я общаюсь непреложно
Тебѣ и въ немъ принадлежать.

Ласкать, какъ въ прошломъ, плечи, руки
И пряди пепельныя косъ...
Въ неотвратимый часъ разлуки
Не нужно робости и слезъ.

Лелѣять намъ одно лишь надо:
По зломъ минутѣи конца,
Къ уборкѣ зимней винограда
Прибыть въ обители Отца.

Чтобъ не опали ягодъ грозди,
Пока отбытъ длится часъ,
И нашихъ рукъ пробитыхъ гвозди
Могли свидѣтельствовать насъ.

Я пришелъ къ тебѣ убогій,
Изъ отшельничьихъ пустынь,
Отъ родимаго порога
Пилигрима не отринь.

Слышишь,—пѣною студеной
Море мечетъ въ берега...
Пріюти отъ ночи темной,
Обогрѣй у очага:

Мой грозою сорванъ парусъ,
И челнокъ пучиной взятъ,—
Отложи на время гарусъ,
Подыми отъ прялки взглядъ...

Разскажи про край родимый,
Хорошо ль живется въ немъ,
Все лежитъ онъ недвижимый
Подъ туманомъ и дождемъ?

Какъ и прежде, мглой повиты,
Въ брызгахъ пѣнистыхъ валовъ,
Плачутъ сѣрые граниты
У пустынныхъ береговъ?

Если „да“ въ отвѣтъ услышу
Роковое отъ тебя,—
Гробовую буду нишу
Я готовить для себя.

Если жъ „нѣтъ“... Рокочетъ злая
Непогода безъ конца.
Ты молчишь, не подымая
Бездыханнаго лица.

Къ заповѣдному приходу
Жизни пряжу допряла,
И лазурную свободу
Раньше родины нашла.

ОТВЕРЖЕННОЙ.

Если бъ вѣдать судьбину твою,
Не кручинить бы сердца разлукой,
И любовь не считать бы свою
За тебя нерушимой порукой.

Не гадалося ставшее мнѣ,
Что по чувству сестра и подруга,
По своей отдалилась винѣ
Ты отъ братьевъ суроваго круга.

Оттого, какъ подъ вѣтромъ ковыль,
И разлучная пѣсня уныла,
Что тебѣ побирушки костыль
За измѣну судьба подарила.

И не вѣдомо: я ли не правъ,
Или сердце къ тому безучастно,
Что, отверженной обликъ принявъ,
Ты, какъ прежде, нетлѣнно прекрасна?

Ты не плачь, не крушись,
Сердца робость избудь,
И отбыть не страшись
Въ предуказанный путь.

Чѣмъ ущербнѣй зима
Къ мигу солнечныхъ встрѣчъ,
Тѣмъ угрюмѣй тюрьма
Будетъ сказку стеречь.

И въ весенній прилетъ
По тебѣ лишь одной
У ограды воротъ
Загруститъ часовой.

Блѣдна, со взоромъ полнымъ боли,
Съ оваломъ вдумчивымъ чела,—
Отъ мирныхъ хижины и поля
Ты въ городъ каменный пришла.

Гуляешь ночью до разсвѣта,
А днемъ усталая сидишь,
И перья смятаго берета
Иглою неловкою чинишь.

Такая хрупко-испитая
Разсвѣтнымъ кажешься ты днемъ,
Непостижимая, святая,—
Небесъ отмѣчена перстомъ.

Наединѣ, при встрѣчѣ краткой,
Давая совѣсти отчетъ,
Тебя влетаю я украдкой
Въ видѣній пестрыхъ хороводъ.

Панель... Толпа... И вотъ картина,
Необычайная чета:
Въ слезахъ лобзаетъ Магдалина
Стопы пречистыя Христа.

Какъ ты, раскаянемъ объята,
Янтарь рассыпала волосъ,—
И взоромъ милующимъ брата
Глядитъ на грѣшницу Христось.

БѢГСТВО.

Я бѣжалъ въ просторъ луговъ
 Изъ-подъ мертвеннаго свода,
 Гдѣ зловѣщій ходъ часовъ—
 Кругъ замкнутый безъ исхода.

Гдѣ каильный ароматъ
 Страстью кровь воспламеняетъ,
 И бездонной пастью адъ
 Души грѣшниковъ глотаетъ.

Испуская смрадъ и дымъ,
 Всадникъ-смерть гнался за мною,
 Вдругъ провѣяла надъ нимъ
 Вихремъ съ сѣрой проливною—

Съ высоты дохнулъ огонь,
 Мечъ, исторгнутый изъ ноженъ,—
 И отпрянулъ Смерти конь,
 Передъ Господомъ ничтоженъ.

Какъ росу съ попутныхъ травъ,
Плоть томленья отряхнула,
И душа, возликовавъ,
Въ безконечность заглянула.

Съ той поры не наугадъ
Я иду путемъ спасенья,
И во слѣдъ мнѣ: святъ, святъ, святъ,—
Шепчутъ камни и растенья.

ПРОГУЛКА.

Дворъ, какъ дно огромной бочки,
Какъ замкнутое кольцо;
За рѣшеткой одиночки
Чье-то блѣдное лицо.

Темной кофточки полоски,
Какъ ударовъ давнихъ слѣдъ,
И дѣвической прически
Въ полумракѣ силуэтъ.

Послѣ памятной прогулки,
Образъ свѣтлый и родной,
Въ кельѣ каменной и гулкой
Буду грезить я тобой.

Вспомню вечеръ безмятежный,
Въ бликахъ радужныхъ балконъ,
И поющій скрипкой нѣжной
За оградой граммофонъ.

Свѣтло-крашеную шляпку,
Весель мѣрную молву,
Рядомъ дѣвушку-голубку—
Бѣлый призракъ наяву...

Я все тотъ же,—мощи жаркой
Не сломилъ тяжелый сводъ...
Выйди, бѣлая русалка,
Къ лодкѣ, дремлющей у водъ!

Поплывемъ мы... Сонъ нелѣпый!
Дворъ, какъ ямы мрачной дно,
За окномъ глухого склепа
И зловѣще, и темно.

Намъ заклѣты и заказаны
Къ пережитому пути,
И о томъ, что съ прошлымъ связано,
Ты не плачь и не грусти:

Настоящаго видѣнїямъ—
Скорбь и траура вѣнки,
А безвѣстнымъ поколѣнїямъ—
Снѣжной сказки лепестки.

Помню я обѣдно раннюю,
Вереницы клобуковъ,
Надъ толпою покаянною
Тяжкій гулъ колоколовъ.

Опьяненный перезвонами,
Гуломъ каменно-глухимъ,
Далъ обѣтъ я предъ иконами—
Стать блаженнымъ и святымъ.

И въ отвѣтъ мольбѣ медлительной,
Покрывая мѣди вой,
Голосъ ясно-повелительный
Мнѣ отвѣтилъ: „Ты не Мой“.

Съ той поры я перепутьями,
Невидимкою блуждалъ,
Подъ валежникомъ, межъ прутьями,
Вмѣстѣ съ вѣтромъ ночевалъ.

Дни свершилися паденія,
И посланецъ горнихъ силъ
Безглагольнаго хваленія
Путь заблудшему открылъ.

Знаки замысла предвѣчнаго
Зодіака и Креста,
И на дискѣ солнца млечнаго
Ликъ прощающій Христа.

Я общаю вамъ сады...

К. Бальмонтъ.

Вы общали намъ сады
Въ краю улыбчиво-далекомъ,
Гдѣ снѣдь—волшебные плоды,
Живымъ питающіе сокомъ.

Вѣщали вы: „Далекихъ зла
Мы васъ отъ горестей укроемъ,
И прокаженныхъ тѣла
Въ ручьяхъ цѣлительныхъ омоемъ“.

На зовъ пошли: Чума, Увѣчье,
Убійство, Голодъ и Развратъ,
Съ лица—вампиры, по нарѣчью—
Въ глухомъ ущельѣ водопадъ.

За ними слѣдомъ Страхъ тлетворный
Съ дырявой Бѣдностью пошли,—
И облетѣлъ вашъ садъ узорный,
Бассейны желчью потекли.

За приплецами напоследокъ
Идемъ невѣдомые Мы,—
Нашъ ароматъ смолистъ и ѣдокъ,
Мы освѣжительнѣй зимы.

Вскормили насъ ущелій нѣдра,
Вспоилъ дождями небосклонъ,
Мы—валуны, сѣдые кедры,
Лѣсныхъ ключей и сосенъ. звонъ.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Въ часъ зловѣщій, въ часъ могильный,
Объ одномъ тебя молю:
Не смотри съ тоской безсильной
На восходную зарю.

Но вѣрна словамъ завѣта
Слезы робости утри,
И на проблески разсвѣта
Торжествующе смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующихъ заботъ,
Что взошелъ я новобранно
По зарѣ на эшафотъ;

Что, осиливъ злое горе,
Ложью жизни не дыша,
Въ заревое пала море
Огнекрылая душа.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	5
Наша радость, счастье наше	13
Въ златотканные дни Сентября	15
Есть то, чего не видѣлъ глазъ	17
Я говорилъ тебѣ о Богѣ	18
На пѣсню, на сказку разсудокъ молчить	20
Ожиданіе	22
Спятъ косогоръ и рѣка	23
Я былъ въ Духъ въ день воскресный	24
Мы любимъ только то, чему названья нѣтъ	26
Любви начало было лѣтомъ	27
Весна отсіяла	29
Я былъ прекрасенъ и крылатъ	31
Вѣрить ли пѣснямъ твоимъ	33
Я боленъ сладостнымъ недугомъ	35
Въ морозной мглѣ, какъ око сычье	37
Голось изъ народа	39
Пахарь	41
Есть на свѣтѣ край обширный	43
Холодное, какъ смерть, равниной бездыханной	45
Ты все келейнѣ и строже	46
Какъ вора дерзкаго меня	48
Не говори,—безъ словъ понятна	50
Я надѣну черную рубаху	52

	Стр.
Сегодня небо, какъ невѣста	54
Я пришелъ къ тебѣ убогій	56
Отверженной	58
Ты не плачь, не крушись	59
Блѣдна, со взоромъ полнымъ боли	60
Бѣгство	62
Прогулка	64
Намъ заклѣты и заказаны	66
Помню я обѣдню раннюю	67
Вы общали намъ сады	69
Завѣщаніе	71

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА

Тверская, д. 29, кв. 46. Телефонъ 338—45.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. I. Пер. съ франц. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к.

П. Моранъ. Павелъ I до восшествія на престоль. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Цѣна 3 р.

Де Ремюза. Мемуары. Т. 1. Редакція и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Цѣна 2 р.

Шуазель-Гуффье. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. съ франц. З. Мировичъ. Вступительная статья А. Кизеветтера. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. Круковская. Н. А. Морозовъ. Біографическій очеркъ Цѣна 40 коп.

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Цѣна 50 коп.

В. Брусянинъ. Л. Андреевъ. Жизнь и творчество. Цѣна 50 к.

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Цѣна 60 к.

Бекфордъ „Ватекъ“. Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева. Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ Ватека“ П. Муратова. Цѣна 80 к.

Ф. Кроммелинкъ. „Ваятель масокъ“. Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 50 коп.

Кристоферъ Марло. „Трагическая исторія доктора Фауста“. Пер. въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 80 коп.

Жераръ де Нерваль. Сильвія. Октавія. Изида. Аврелія. Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова. Цѣна 1 руб.

Ф. М. Клингеръ. Жизнь, дѣянiя и гибель Фауста. Пер. съ нѣм. Со вступ. статьей и примѣчанiями А. Лютера.

Новеллы Итальянскаго Возрожденiя. Переводы и характеристики П. Муратова. *Томъ 1. Часть 1. Новеллисты Треченто:* „Новеллино“—„Цвѣточки св. Франциска Ассизскаго“—Боккаччио—Франко Саккетти—Серкамби—Серъ Джованни. *Часть II. Новеллисты Кватроченто.* Новелла о Столярѣ—Св. Бернадинъ Сиенскiй.—Илличини—Сермини—Мазуччио—Корнаццано. Цѣна 2 р. 50 к.

Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ норвежскаго Р. Тираспольской. Вступительная статья гр. Де-ла-Бартъ. Т. 1 и 2. Цѣна каждого тома 1 р.

Рихардъ Демель. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ дополненiями автора для русскаго изданiя. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. 1-й. Автобиографiя. Спутникъ человѣческой. Трагизмъ и драма. Т. 2-й. „Странички жизни“. Новеллы. Пер. съ нѣм. Л. Горбунсвой. Цѣна каждого тома 1 р. 20 коп.

Г. Жулавскiй. Собранiе сочиненiй. Т. 1. „На серебряномъ шарѣ“. Ром. Пер. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.

Ж. К. Гюисмансъ. Собранiе сочиненiй. Т. I. „Тамъ внизу“ („Бездна“). Пер. Ю. Спасскаго. (Наложень арестъ). Цѣна 1 р. 25 коп.

Ж. К. Гюисмансъ. Собр. соч. Т. 2. „Въ пути“. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Ж. К. Гюисмансъ. Собр. соч. Т. 3. Парижскiе арабески. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р.

Н. Русовъ. Озеро. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изданiе второе. Цѣна 1 р.

Н. Русовъ. Любовь возвращается. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Клюевъ. Лѣсныя были. Книга 3. Ц. 60 к.